

РАЗБУЖЕННОЕ ОБЩЕСТВО

Реформаторская деятельность сочеталась с культурным подъемом и с расцветом публицистики. Одним из главных культурных деятелей эпохи был митрополит Макарий. Прежде чем занять митрополичий престол, Макарий много лет был новгородским архиепископом. Еще в Новгороде он затеял широкое предприятие - создание "Великих четых миней".

В то время все душеспасительные, церковные книги делились на две категории: книги *служебные*, которые использовались при богослужении, и *четьи*, предназначенные для назидательного чтения. *Минейми* же называли сборники, в которых сочинения были расположены по месяцам, а внутри - по дням. Обычно создавали *миней служебные*. Священнику было очень удобно открыть минею на сегодняшнем дне и найти все те тексты, которые он сегодня должен прочитать вслух во время богослужения. Макарий же задумал составить *миней четьи*, в которых православный читатель мог найти то произведение, которое ему именно сегодня рекомендуется прочитать. Например, в день памяти святого - его житие или написанное им сочинение. Впрочем, объем *Великих четых миней* таков, что за год их прочитать почти невозможно: 12 (по числу месяцев) объемистых томов, более 14 тысяч листов, 28 тысяч страниц большого формата, густо исписанных четким почерком. Макарий поставил задачу собрать здесь "*все книги чтомые, которые в Русской земле обретаются*". Действовал Макарий не в одиночку: сбором материала для Четых миней занимался целый кружок образованных людей - и духовных, и светских. Говорят иногда даже о своеобразной академии Древней Руси.

Предприятие было грандиозным. В Четьи миней вошли многочисленные жития и поучения, повести и сказания, монастырские уставы и исторические сочинения. Но сборник этот был полностью лишен даже оттенка вольнодумства: ортодоксальность была одним из главных критериев отбора произведений. Четьи миней стали своеобразным сводом дозволенной благонамеренному читателю литературы. Те произведения, которые не попали в макарьевское собрание, оказались уже под подозрением. Замечено, что памятники древнерусской литературы, оставшиеся за пределами Четых миней, во второй половине XVI и в XVII веке переписывали редко.

В середине XVI века книгопечатание, изобретенное за век до того в Германии Иоганном Гутенбергом, появилось и в России. На здании историко-архивного института на улице 25 Октября (бывшая Никольская) можно видеть мемориальную доску с надписью, сообщающей, что на этом месте находилась типография, в которой Иван Федоров напечатал первую русскую книгу. Надпись, увы, не совсем точна, хотя типография Ивана Федорова действительно работала на этом самом месте. Дело не только в

неточной редакции текста (печатные книги не были первыми книгами: рукописные книги существовали на Руси, как и во всем мире, задолго до книгопечатания). Ведь выпущенный Иваном Федоровым в 1564 году "Апостол" - первая книга его типографии, но вовсе не первая печатная книга в России. Еще в 50-х годах в Москве уже работала типография, мастера которой неизвестны нам по именам, так как они не называли себя в своих изданиях. Поэтому эту типографию в науке принято называть анонимной. Печатный двор Ивана Федорова был уже второй типографией, организованной, видимо, после пожара, уничтожившего анонимную.

Иван Федоров, дьякон кремлевской церкви Николая Гостунского, был удивительным человеком, не только толковым ремесленником (как печатники анонимной типографии, которых, впрочем, он намного превзошел в мастерстве), а и просветителем. В печатном деле он видел не источник заработка, а призвание. Каждую книгу он снабжал послесловием, в котором обращался к читателю, рассказывал об обстоятельствах издания книги, писал о высоком предназначении печатного слова. Недаром литературоведы их изучают как памятники русской литературы. Перебравшись затем по невыясненным причинам в пределы Великого княжества Литовского, Иван Федоров напечатал и первый русский букварь с изложением основ грамматики (к сожалению, единственный его экземпляр сохранился не в нашей стране, а в библиотеке Гарвардского университета в США).

В те же годы, в конце 40 - начале 50-х, интереснейшие, дерзкие проекты государственных преобразований выходят из-под пера Ивана Семеновича Пересветова. Русский человек, он родился в Великом княжестве Литовском, много путешествовал, служил в Польше, Венгрии, Чехии, Молдавии, а потом прибыл на Русь. *"Служил есми... трем королем, а такая обиды ни в котором королевстве не видал"*, - с горечью пишет Пересветов. На Русь он попал в годы боярского правления, по службе ему не повезло, поместье его запустело *"от великих людей обид"*. *"И ныне, государь, от обид и от волокит наг, бос и пеш"*, - жалуется Пересветов.

Конечно, не только рядовой дворянин, но даже и знатный боярин не решился бы прямо поучать государя, как ему надлежит действовать. Такие *"непригожие речи"* даже в сравнительно мягкие времена правления Избранной рады привели бы автора в лучшем случае в тюрьму. Поэтому свои советы Пересветов облек в иносказательную форму. Так, он рассказывает, что, когда служил в Молдавии у тамошнего господаря *"Петра, воеводы волосского"* (господарь Петр Рареш), тот много ему говорил *"про тебя, государя благоверного царя, и про твое царство государство"*. И Пересветов эти слова Петра-воеводы да еще слышанные им *"мудрости греческих философ и латынских дохтуров"* доносит до государя. Вместе с тем он создает повести о Магмет-салтане турецком, идеальном монархе, который установил у себя в царстве полный порядок.

Нет возможности в этой книге рассказать подробно о всех проектах Пересветова, стоит остановиться лишь на элементах вольнодумства в его мировоззрении. Так, Пересветов рассказывает, что у Петра-воеводы служил *"москвитин Баска Мерцалов"*. Воевода спросил у него, есть ли в *"царстве Московском"* правда. Мерцалов отвечал: *"Вера, государь, христианская добра всем сполна, и красота церковная велика, а правды нет"*. И тут Петр заплакал *"и рек тако: «Коли правды нет, то и всего нет»*. А потом добавил: *«Бог не веру любит, - правду»*. Конечно, ни один самый ортодоксальный христианский автор никогда не сказал бы, что правда не нужна. Но кто и когда рискнул противопоставить правду и веру и сделать выбор не в пользу веры?

Мало того. В повестях о Магмет-салтане и о царе Константине слабого монарха, погубившего свое царство, Пересветов вывел в лице последнего византийского императора, православного государя Константина; он предстает перед читателем как пример нравоучительный, но отрицательный. А кто же образец государя, введшего *"правду"* в своем царстве? Мусульманин Магмет-салтан турецкий. Конечно, печально, что он не христианин; Пересветов даже замечает: *"...да естли бы к той правде да вера христианская, ино бы с ним ангели беседовали"*. Но ведь общеизвестно, что человек - не ангел, а потому выходит, что сочетание турецкой правды с христианской верой - недостижимый идеал. Поскольку же *"бог не веру любит, - правду"*, мусульманин *"безбожный царь"* Магмет-салтан более угоден богу, чем православный и *"благочестивый"* царь Константин.

Резко выступал Пересветов и против холопства. *"Которая земля порабощена, - говорит Пересветов устами Петра воеводы, - в той земле все зло сотворяется: татба, и разбой, и обида, и всему царьству великое оскужение"*.

Еще дальше в вольнодумстве пошел Матвей Семенович Башкин. Дворянин высокого ранга, прихожанин придворного Благовещенского собора, он однажды пришел к своему *"отцу духовному"* попу Семену и принес книгу "Апостол", всю *"навощенную"*: то, что сейчас отмечают карандашом, тогда отмечали на полях каплями воска.

Разговор с Башкиным напугал и удивил попа Семена, и он кинулся с докладом к всесильному Сильвестру. Что за странный *"сын духовный"* пришел ко мне, недоумевал Семен: *"... от мене поучения требует, а иное мене и сам учит"*. Кое-что священнику показалось неплохим, а кое-что - *"развратным"* (то есть опасным для веры, идеологически невыдержанным). Сильвестр коротко заметил, что о Башкине *"слава недобрая носится"*, и поручил Семену продолжать беседы.

С тех пор каждое слово, сказанное Башкиным, становилось частью его следственного дела. А говорил он вещи, с точки зрения ортодоксов, ужасные. Матвей Семенович недоумевал: как так, называемся христианами, а своих братьев держим у себя в рабстве. Сам он все кабалы-документы на холопов порвал и отпустил холопов на волю. Отрицал Башкин обряды, иконы, творения "отцов церкви"... В конце концов Башкин предстал перед церковным судом. Измученный пытками, он долго не мог прийти в себя: *"...язык извесь, непотребная и нестройная глаголаша на многи часы"*. Вчерашний придворный был заточен в монастырскую тюрьму - в Иосифо-Волоколамский монастырь, где заправляли наиболее жестокие и рьяные преследователи всякого религиозного разномыслия.

Появление таких вольнодумцев, как Пересветов и Башкин, - свидетельство не только культурного роста, но и того, что общество было как бы разбужено реформами.

Большие успехи были достигнуты и во внешней политике. В 1552 году закончился победой очередной поход на Казань - многие предыдущие кончались неудачами. Казанское ханство, мощное государство, перестало существовать и вошло в состав России. Это было первое ордынское государство (а ханство было одним из осколков бывшей Золотой Орды), которое оказалось под суверенитетом русского государя. К присоединению Казанского ханства стремились феодалы. Выразитель их настроений Пересветов писал, что Петр-воевода советовал *"послати войско на Казань"* и недоумевал, *"что таковая земля не велика, вельми угодна, у такового великаго царя под пазухою, а в недружбе"* и не без цинизма добавлял, что *"хотя бы таковая земля и в дружбе была, ино бы ея не мочно терпети за такое угодие"* (полезность, высокое качество. - **В. К.**). Ведь эту *"землю"* можно было бы раздать *"воинникам"*. Именно они, феодалы, рассчитывали на земельные раздачи в Казанском крае. О торговом пути по Волге мечтали купцы.

Было бы ошибкой, помня о прогрессивном в целом значении присоединения Казанского ханства, закрывать глаза на национально-колониальную политику царизма, которая проявила себя и во времена Ивана Грозного. Да, казанская знать в своем большинстве перешла на русскую службу. Нельзя сказать, чтобы ее дискриминировали. Татарская конница, возглавлявшаяся перешедшим в православие последним казанским ханом, стала важной составной частью русских вооруженных сил. Но вот из самого города Казани татар, коренных жителей, старались выселять, чтобы сделать город русским. Стали проводить и насильственную христианизацию татар и других народов Поволжья. Казанское ханство было многонациональным государством, включавшим в свой состав также мордву, башкир, марийцев, удмуртов, чувашей. Эти народы стали платить тяжелую дань, а их земли раздавали русским помещикам. Поэтому если вначале часть этих народов

помогала русским войскам, стремясь освободиться от власти казанских ханов, то вскоре после 1552 года начались восстания, которые жестоко подавляли царские воеводы.

Вслед за Казанью в 1556 году удалось бескровно присоединить Астраханское ханство, владетель которого не решился вступить в бой с русскими войсками и капитулировал. Все течение Волги - от верховьев до устья - оказалось в русских руках.

После присоединения Казани и Астрахани Иван IV принял титулы царя казанского и астраханского. Если до того были возможны сомнения в законности царского титула Ивана IV, то теперь они должны были исчезнуть: за казанскими и астраханскими ханами на Руси прочно утвердился царский титул, а Иван Васильевич выступал как их правопреемник.